

Отец наложницы Чжоу когда-то служил стражником в доме Ци. Однажды она пришла принести отцу обувь и случайно попала на глаза главе семейства. Господин Ци приметил ладную девицу и, недолго думая, отсчитал стражнику Чжоу двадцать лянов серебра, забрав ее в наложницы. Поскольку она стала первой, кого господин Ци официально ввел в дом, законная супруга, госпожа Ци, возненавидела ее всей душой. Эту неприязнь она позже перенесла и на ее сына, Ци Хэли. К счастью, к тому времени госпожа Ци уже родила законных наследников, в которых души не чаяла: сына Ци Фэнцзю и дочь Ци Цюэцяо. Фэнцзю рос гордостью семьи — на четыре года старше Хэли, не по годам умный и благообразный, он с малых лет затмевал своего единокровного брата, буквально втоптывая его достоинство в грязь. Со временем госпожа Ци и вовсе перестала обращать внимание на этих безродных бастардов. Разумеется, воспитывать Хэли она не собиралась, предоставив слугам потакать любым его капризам и портить баловством.

Наложнице Чжоу не было и сорока. Ее броская, чувственная красота разительно отличалась от утонченного благообразия госпожи Ци. Соболиные брови, густые ресницы, волна иссиня-черных волос — Ци Хэли унаследовал свои хищные, взлетающие к вискам брови именно от матери. В молодости госпожа Ци держала ее в ежовых рукавицах. Чжоу была хороша собой, но глупа как пробка, а уж в воспитании детей не смыслила вовсе. Способная лишь на мелкие козни и сплетни, куда ей было тягаться с благородной хозяйкой усадьбы? Со временем господин Ци обзавелся новыми наложницами, и Чжоу окончательно лишилась его благосклонности. Она уже примирилась со своей долей, как вдруг небеса сжалились: старший законный сын, которого превозносили до небес, безвременно скончался! И ее мальчик, росший в усадьбе подобно сорной траве, внезапно оказался старшим среди наследников. Его ценность возросла стократно.

В тот миг на нее снизошло озарение: она вымолила для Хэли помолвку, которая изначально предназначалась его покойному брату. И пусть супруги не ладили, главное было сделано — союз укрепил положение Хэли в глазах отца. А остепенится, заслужит почет — можно будет взять в дом и других жен, покладистых да ласковых. Теперь все ее помыслы были лишь о внуке. Пока третий и четвертый молодые господа не женились, Хэли должен был первым обзавестись наследником — ведь в знатных домах продолжение рода всегда ценилось превыше всего. Досадно лишь, что Цзян Мэнчжэнь оказался пустоцветом: за три года брака его чрево так и не понесло. Из-за этого наложница Чжоу изо дня в день изводила себя мыслями о том, чтобы подыскать сыну плодovitую наложницу.

— Мой дорогой второй молодой господин! — запричитала наложница Чжоу, увлекая Ци Хэли за собой на кан. — Натерпелся же ты за эти полгода... Как услышала, что тебя ранило, у меня аж сердце кровью облилось!

— Тётушка-наложница, не стоит беспокоиться.

Мать и сын обменялись дежурными любезностями. Говорила в основном наложница Чжоу, Ци Хэли лишь изредка подавал голос. Когда поток излияний иссяк, наложница вдруг заговорщически улыбнулась и, коснувшись его щеки, ласково произнесла:

— Поглядите-ка, а мой мальчик-то вырос, научился баловать девиц!

Ци Хэли удивленно вскинул брови. Наложница Чжоу понизила голос до шепота:

— И перед родной матерью будешь скрытничать? Тот молодой господин, которого ты привез, безусловно хорош собой, да только больно хрупок. Чрево у него еще не созрело, как ему рожать-то?

— Что за глупости вы говорите! — помрачнел Ци Хэли. — Молодой господин Сяо спас мне жизнь.

— Ой, застеснялся! Ладно-ладно, знаю я тебя, взрослый стал, гордый, ни за что не признаешься. — Наложница Чжоу легкомысленно рассмеялась и снова зашептала: — Хотя я и вымолила у твоего отца этого мальчишку из семьи Цзян, но сама-то знаю: гэер из благородных семейств — скука смертная. Жениться на них — лишь для похвальбы перед соседями, снаружи блеск, а внутри пустота! Вечно они важничают, норовят показать свой нрав. Какая в такой жизни радость? Не будь оно так, разве взял бы меня к себе господин?

— Я ведь о тебе забочусь, сынок. Знаю, как тебе несладко жилось эти годы с твоим ненаглядным супругом, словно из нефрита выточенным. Разве он согреет тебя, разве спросит, каково тебе? То ли дело девицы из простых семей — они мужей почитают да лаской окружают. Господин Сяо славный, спору нет, да маловат еще. Пусть подрастет несколько лет, своего он не упустит. Но мне больно видеть, как ты растрачиваешь лучшие годы впустую. А ведь есть у нас одна девица на примете... Я говорила тебе еще до твоего отъезда: кухне твоей уже восемнадцать стукнуло. Я еще тогда хотела вас сосватать, вы ведь виделись в детстве. Да только этот Цзян поперек дороги встал. Пусть законной женой ей теперь не бывать, но пойти к тебе наложницей — милое дело.

Ци Хэли раздраженно нахмурился:

— Почему кухня до сих пор не замужем?

— Все твой дядя привередничает! У Чжоу теперь своя конторка телохранителей, деньжата завелись, вот девка и заважничала. Сваты пороги оббивают, а она нос воротит. — Чжоу затараторила взахлеб, едва не брызгая слюной от возбуждения: — Сам знаешь, твой дед владел боевыми искусствами, дядя тоже воин, да и тетка — его соученица по школе боевых искусств. Оба крепкие, здоровые, и дети у них родились как на подбор, кровь с молоком! Девка — загляденье, не то что твой комнатный цветок, который от любого сквозняка увянет!

Ци Хэли резко поднялся на ноги и холодно усмехнулся:

— Загляденье, говорите? Что-то прежде вы пели совсем иное. Хотя я и был мал, но память у меня хорошая. Помнится, вы твердили: «Молодой господин Цзян — настоящая золотая ветвь да нефритовый лист, такому только твоего старшего брата в супруги прочить. Стал бы столь благородный гэер на тебя смотреть! На себя в зеркало сперва взгляни, оборванец! Не позорь мать, если твоя неотесанная кухня согласится пойти за тебя, и на том спасибо!»

Наложница Чжоу опешила от такой отповеди. Ци Хэли с годами стал неразговорчив, и она уже давно не слышала от него столь длинных речей, не говоря уже о том, что он слово в слово повторил ее старые попреки. Видимо, те ядовитые слова глубоко ранили ребенка, раз он пронес эту обиду через столько лет.

— Раз уж теперь в моих покоях живет та самая «золотая ветвь», на неотесанных девиц я и смотреть не стану. Вы и так без конца таскали добро в дом своих родичей, а теперь решили и меня туда пристроить? Оставьте эти пустые хлопоты. — Ци Хэли с шелестом откинул плотный полог. В лицо ворвался морозный ветер, заставив следовавшую за ним наложницу поежиться. Перед тем как переступить порог, он обернулся и бросил напоследок: — Разговоров об этом было достаточно. Кого брать мне в дом, решат отец с матерью. А вам, тётушка-наложница, следовало бы помнить свое место.

Тяжелый полог закачался из стороны в сторону. Наложница Чжоу, ошарашенная внезапной резкостью своего обычно молчаливого сына, застыла на месте. Лишь спустя какое-то время она вернулась к кану и с досадой хлопнула ладонью по низкому столику, так что шелуха от семечек веером разлетелась по постели.

— Надо же, у этого Цзяна и впрямь мертвая хватка. Недооценила я его!

Она не винила сына, вновь переложив всю вину на Цзян Мэнчжэня.

— Глупый мальчишка... Разве в этой усадьбе кто-то, кроме родной матери, станет заботиться о тебе? На отца надежды мало, а уж госпожа и вовсе спит и видит... Что ж, поглядим. Если вам двоим удастся уберечь второго молодого господина от наложниц на всю жизнь, я сниму перед вами шляпу!

Цзян Мэнчжэнь возвращался в Павильон Притягивания Облаков сквозь разыгравшуюся метель. Его обувь давно промокла насквозь. Молоденькие служанки поспешили снять с него припорошенные снегом верхние одежды, а Цзянсян стянула мокрые шелковые чулки. Тонкая кожа на его изящных ступнях посинела от холода, на них жалко было смотреть.

— Ноги совсем ледяные! Живее в постель, молодой господин. Я только что прогрела простыни над жаровней, там тепло и сладко пахнет.

Измученный Цзян Мэнчжэнь без сил опустился на постель. Из-под одеял поднималось живительное тепло, напоенное его любимым ароматом гусиной груши. Уткнувшись лицом в подушку, он глубоко вдохнул этот родной запах, чувствуя, как тепло наконец разливается в груди. Закутавшись поплотнее, он лежал так некоторое время, постепенно приходя в себя. Ледяной ветер на улице хлестал по лицу, точно плетью. На обратном пути ему казалось, что метель вот-вот погребет его под сугробами или собьет с ног. Когда они шли бок о бок с Ци Хэли, все было иначе — должно быть, непогода успела разыгаться пуще прежнего.

— Сестрица Биянь уже велела слугам прибраться в комнатах. Как вы и приказывали, отвели Павильон Водной Луны, что по соседству с нашей обителью, — негромко доложила Цзянсян, пристроившись у края постели. — Управляющий усадьбой уперся — мол, без соизволения госпожи ключей от казенных складов не выдаст. Сестрице Биянь пришлось, как обычно, отпереть вашу личную сокровищницу приданого.

Цзян Мэнчжэнь перевернулся на бок и тихо отозвался:

— Пустяки. Мы с супругом — единое целое. Спасти второго молодого господина — все равно что спасти меня самого. Пред таким долгом жизни любые богатства ничто, я готов отдать последнее.

Цзянсян приоткрыла было рот, но промолчала. Цзян Мэнчжэнь с младенчества купался в роскоши и не знал нужды, даже не догадываясь, каково это — считать каждый грош. В семье маркиза Цзянлин было всего двое детей — гэер и дочь. Маркиз, собирая приданое, не поскупился, отдав львиную долю богатств, нажитых четырьмя поколениями предков. Половина этого состояния ушла вместе с его старшей сестрой в поместье князя Цзиня, а вторая половина последовала за Мэнчжэнем в дом Ци. Всем было известно, что за ним стоит едва ли не половина казны маркиза Цзянлин. Когда Мэнчжэнь только переступил порог этого дома, он был слишком молод и простодушен, не смысля в домашних расходах. Всякая приживалка норовила пожить за его счет. За любые покупки слуги заламывали ему цены втрое выше обычного, а если он поручал им какое-то дело и не осыпал щедрыми монетами, они мало того что не выполняли поручение, так еще и за глаза честили его скупцом. Не возмись Биянь за дело со всей строгостью, уличив и наказав воров, его богатство давно бы растащили по крупицам.

— Сестрица Биянь перед уходом велела приготовить на кухне легкую кашу с диким ямсом и курицей. Откушайте немного, молодой господин.

При этих словах Цзян Мэнчжэнь ощутил, как сильно проголодался. Он с аппетитом съел две пиалы. На лбу его выступила легкая испарина, и по телу наконец разлилось приятное тепло. Цзянсян поднесла ему чашку ароматного чая. Прополоскав рот, Мэнчжэнь ласково улыбнулся:

— Славная моя девочка. И как бы я без вас жил?

— Мы тоже хотим оберегать вас долгие годы, молодой господин, — ответила Цзянсян, взбивая его подушку, наполненную семенами кассии. — Отдохните немного. На улице так потемнело от метели, что и времени не разобрать, самое время вздремнуть.

Цзян Мэнчжэнь согласно кивнул и устроился поудобнее. Тепло разнежило его, и на душе стало спокойнее. Засыпая, он негромко окликнул служанку:

— Занавес задергивать не нужно, я лишь прилягу на полчаса. Отправь кого-нибудь присмотреть: как только второй молодой господин вернется от наложницы Чжоу, пусть сразу позовет меня.

Цзянсян лукаво пригрозила ему пальчиком, подтрунивая над его нетерпением. Мэнчжэнь шутливо погрозил ей в ответ и отвернулся к стене.

Сон сморил его неожиданно крепко. Когда Цзян Мэнчжэнь открыл глаза, Цзянсян все еще не позвала его.

— Разве второй молодой господин еще не вернулся?

Мэнчжэнь поспешно накинул халат. Цзянсян тут же подошла ближе:

— Молодой господин воротился почти сразу, как вы заснули, столкнувшись в дверях с посыльным. Он строго-настрого запретил вас тревожить. Но стоило ему переодеться и присесть передохнуть, как прибежали от молодого господина Сяо. Случилось что-то, вот его и увели.

— Вот как? — равнодушно отозвался Мэнчжэнь. — Известно ли, что стряслось?

— Про то ведать не ведаю. Служанка Умэй передала лишь, чтобы второй молодой господин шел к Пруду Застывшей Яшмы, — добавила Цзянсян. — К слову, госпожа выделила молодому господину Сяо двух служанок второго ранга, а тот самолично нарёк их Хунго и Умэй.

Цзян Мэнчжэнь снисходительно усмехнулся:

— От таких имен только зубы сводит.

Мэнчжэнь неспешно выпил чашку чая, перелистал несколько страниц книги, однако метель за окном не утихала, а Ци Хэли все не возвращался. Потеряв терпение, он набросил теплый плащ и в сопровождении Цзянсян отправился на поиски.

Не успели они приблизиться к Пруду Застывшей Яшмы, как из заснеженной дымки показалась вереница людей. Впереди шел Ци Хэли, бережно неся на руках Сяо Хуа. Юноша крепко обнимал его за шею, уткнувшись лицом в широкую теплую грудь мужчины.

Цзян Мэнчжэнь замер как вкопанный.

Ци Хэли заметил нечеткий силуэт среди кружащихся хлопьев снега, но никак не ожидал встретить здесь супруга. Зато следовавшие за ним Цинь Гэ, У Гоу, Умэй и Хунго хором поклонились:

— Вторая молодая госпожа...

Ци Хэли опешил и невольно замедлил шаг. Услышав голоса, Сяо Хуа поспешно повернул голову. На его лице промелькнуло торжество, но из-за густого снегопада Мэнчжэнь не сумел разглядеть его как следует.

<http://bllate.org/book/19598/2002395>